

УДК 911.3:32

ДРУЖЕСТВЕННОСТЬ И НЕДРУЖЕСТВЕННОСТЬ СТРАН МИРА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ И СИБИРИ

© 2025 г. А.Н. Фартышев^{1,2,*}, С.В. Писаренко^{1,3}, Л.С. Жирнова^{1,4}¹ Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия³ Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, Россия⁴ Московский государственный институт международных отношений

(университет) МИД России, Москва, Россия

*E-mail: fartyshev.an@gmail.com

Поступила в редакцию 22.03.2024 г.

После доработки 16.06.2025 г.

Принята к публикации 17.07.2025 г.

Начиная с 2022 г. в российском политическом дискурсе официально закреплено понятие “недружественных стран”, хотя деление стран на друзей и врагов имеет глубокие корни. В данной статье рассматривается подход к пониманию дружественности–враждебности геополитических субъектов мира и степени их взаимоудаленности как ключевых характеристик геополитического пространства. Представлен новый подход к пониманию категории “геополитическое положение”, основывающийся не на принципе соседства субъектов, а на географической удаленности. На базе комплекса количественных и качественных данных проводится оценка государств по степени дружественности–враждебности к России по многоступенчатой шкале в 2016 и 2024 гг. Измерена и наглядно представлена географическая удаленность субъектов различной степени дружественности–враждебности от России, Сибири и СФО методикой экономических расстояний, понимающихся как расстояния по действующим транспортным путям. Доказано, что Сибирь вследствие эффекта удаленности имеет более выгодное, по сравнению с Россией в целом, геополитическое положение ввиду того, что в 2500-километровой зоне удаленности есть только дружественные геополитические субъекты, наиболее недружественные геополитические субъекты за 8 лет стали еще дальше, в то же время наиболее дружественные субъекты (в основном составляющие евразийские государства) остались в той же степени удаления, что и в 2016 г. и стали более дружественны России.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, геополитический код, политика санкций, экономическое расстояние, внешняя политика России, геостратегия

DOI: 10.31857/S0869607125030078, EDN: LTTNBT

Введение

Геополитические характеристики макрорегионов России изучались в достаточно обширном ряде географических трудов [1, 6, 9, 11, 12, 14, 20]. В 1990-х гг. в журнале “Известия Русского географического общества” президентом РГО С.Б. Лавровым были опубликованы статьи, способствовавшие возрождению геополитического направления как особой ветви географической науки [15, 16]. В последние годы

вышли большие обзорные статьи по геополитическим тематике и методологии исследований в этой области [23, 33] и фундаментальные теоретические монографии (например, [8]), потому можно сказать, что сейчас геополитика переживает некоторый ренессанс.

Традиционно геополитика рассматривает в качестве объекта исследований государства и надгосударственные образования [19], а роль субнациональных единиц — регионов — редуцируется ввиду их меньшей роли во внешней политике. В отечественной литературе наиболее полно методология геополитики регионов представлена в трудах П.Я. Бакланова по территории Дальнего Востока (Тихоокеанской России) (например, [1, 2]). Вероятно, интерес к этой тематике именно на Дальнем Востоке связан со значительной уязвимостью данной территории и постоянными геополитическими сдвигами во внешнем окружении.

Сибирь, несмотря на удаленность от мировых держав в новейшее время, также является важной частью России, геополитическое положение которой обладает значительной динамикой. Это проявляется в изменении позиционирования соседней Монголии на мировой арене, внешнеполитическом дрейфе Казахстана и, безусловно, в украинском кризисе, из-за чего Россия ускорила свой “поворот на восток”. Сибирь является важнейшим звеном этого поворота. Ввиду указанных трансформаций значимость геополитических исследований повышается.

Другим фактором, повлиявшим на трансформацию геополитических исследований, является появление в разных государствах “списков”, “осей” и “реестров” недружественных стран. В основу таких списков редко ложатся четкие и объективные критерии, однако можно отметить некоторые усилия по их конструированию (например, в этом плане примечательна работа [21]). Так или иначе, субъекты различной степени недружественности имеют разную удаленность/близость к российской территории, а соответственно, и возможность оказания военного, экономического, культурного и иного влияния на них. В этом контексте особое значение имеет Сибирь, которая, как и Дальний Восток, является наиболее удаленной территорией от театра российско-западного противостояния. Целью данной работы является идентификация уровня дружественности—враждебности между Россией и окружающими геополитическими субъектами и измерение географической удаленности субъектов различной степени дружественности—недружественности.

Обзор литературы

Попытки создания шкалы дружественности и враждебности предпринимались в академической литературе достаточно давно, однако исследователи использовали для данной тематики разные термины и переменные. Еще в 1941 г. увидело свет исследование Ф. Клингберга, в котором напряженность рассматривалась как разделяющая два государства “психологическая дистанция”, величина которой может быть измерена в рамках шкалы “дружественность—враждебность” [32].

В 1955 г. модель измерения межгосударственной напряженности как динамического состояния, располагающегося в многомерном пространстве между полюсами стабильности и конфликта, была представлена К. Райтом [41, 42]. Ранее, размышляя о том, можно ли оценить или измерить напряженность, он отталкивался от применения этого термина в физических науках и его отражения в социологических и психологических исследованиях. Свой подход к измерению напряженности, основанный на “предположении, что в формулировании внешней политики важно понимать восприятия реальности, образы, стереотипы и определения ситуации

лицами, принимающими решения, а не существующие в мире объективные условия”, позднее был предложен К. Холсти [30]. Наибольшее внимание при обращении к анализу напряженности, как правило, привлекала проблема идентификации основных причин и факторов, ее вызывающих [34]. К их числу относились такие перцептивные переменные, как восприятие угроз, оценки способностей, намерений, отношений и явного поведения [31]. В результате всех этих усилий понятие напряженности постепенно стало приобретать большую определенность и содержательную строгость. В соответствии с трактовкой К. Холсти она стала пониматься как “набор установок и тенденций, таких как недоверие и подозрительность, которые общественность и политики испытывают по отношению к другим” [30].

В математических моделях, применяемых в политологии, геополитическое отношение представляется как некоторая константа, которая задается исследователем. В модели Л.Ф. Ричардсона, известной как модель гонки вооружений, в качестве такой переменной выделяется “величина прошлых обид” [38]. Эта переменная может быть как положительным, так и отрицательным числом, но так или иначе она воспринималась константой. Последователи Ричардсона занимались подробным описанием точного определения этого параметра.

Наиболее известной шкалой дружественности можно считать концепцию Б. Балажа о стадийности интеграционных процессов [28]. Сложные интеграционные процессы имеют разветвленную структуру, но было выявлено, что именно экономическая интеграция обладает стадийностью: зона преференциальной торговли, зона свободной торговли, общий рынок, таможенный союз, экономический союз. При этом несколько в стороне остаются валютные союзы, поскольку они создаются по разным причинам (это может происходить как из интеграционных процессов, так и ввиду валютного протектората или постколониальных связей) [19]. Аналогичная градация прослеживается и в военно-политической сфере: договор о ненападении, договор о сотрудничестве в военно-технической сфере, проведение совместных военных учений, договор о совместной обороне, единое военное командование. В контексте дружественности государств эти процессы накладываются друг на друга, формируя различные уровни дружественности государств.

Суммируя, выведем параметр “геополитического отношения” как меры позитивности или негативности связей между геополитическими субъектами, который сходен с ричардсоновской “величиной прошлых обид”, так как в целом отражает оценку одного субъекта другим по шкале “дружественность—враждебность”. Теоретическая концептуализация термина “геополитическое отношение” в отечественной политической географии проведена Н.В. Калединым [9]. Именно этот фактор привносит в политико-географическую аналитику геополитический аспект. На государственном уровне А. Уолферс в эссе “Противоборство и сотрудничество” (“Discord and collaboration”) [40] представил определенные и четкие критерии геополитических отношений, ранжированных по шкале “враждебность—дружественность”. Он выделил следующие категории:

- непримиримая вражда (состояние войны);
- демонстрация враждебности;
- прекращение дружественных отношений;
- минимум взаимоотношений;
- прохладные отношения или отношения неприсоединения;
- активное внутринаправленное сотрудничество;
- внешненаправленное сотрудничество;

- крайнее проявление дружбы [40].

В шкале Уолферса упор был сделан на военную мощь, но в последующие десятилетия возникла тенденция к переоценке важности военного и экономического фактора в формировании внешнеполитического курса в пользу последнего. В более ранних наших трудах шкала Уолферса была модернизирована и выделены точные критерии той или иной стадии дружелюбности или враждебности [26]. Она является базисом для данной работы.

Данные и методология

В рамках поставленной задачи выделяются два последовательных этапа: распределение геополитических субъектов по степени дружелюбности—враждебности, и затем оценка удаленности субъектов различной степени удаленности от России. В выборку входят страны Зарубежной Азии (исключая Юго-Восточную Азию и Аравийский полуостров), наиболее значимые и близкие страны Европы и США.

В более ранних работах была предложена типология отношений по линейной шкале “дружелюбность—враждебность”, где представлены четкие критерии стадийности параметра *ГПО (геополитическое отношение)*. Выделено 9 стадий дружелюбности, 9 стадий враждебности и особая категория “минимума взаимоотношений”. Под геополитическим отношением мы понимаем совокупность прямых или косвенных действий одного субъекта к другому, выявляющих обобщенную модальность внешней политики. Геополитическое отношение может быть симметричным и асимметричным (одна сторона проявляет большую дружелюбность или враждебность, чем другая к ней). Оценка градации основана на четких критериях, отраженных в табл. 1, что представляет собой усовершенствованную версию методики, описанной в работе [26].

Чтобы оценить степень дружелюбности, были проанализированы актуальные данные о голосованиях в ООН по резолюциям, данные о проведении военных учений, международных договорах, экономической интеграции, политической окраске сообщений в ведущих СМИ соответствующих стран (подробнее в работе [24]), случаях высылки дипломатов и другие релевантные данные. В результате составлены таблицы о наличии или отсутствии признака того или иного подтипа геополитического отношения. Графически алгоритм отражен на рис. 1. Например, если КНДР установила, с одной стороны, усиленный визовый режим с Россией, что соответствует стадии “–1.3 Осторожность” по шкале недружелюбности, а с другой, поддерживает Россию в военной операции в Курской области, что соответствует “2.1 Товарищество”, то за тип отношений следует принять именно последний, поскольку он свидетельствует о большем уровне дружелюбности.

Географический анализ проведен через расчет удаленности тех или иных субъектов друг от друга. В классических геополитических исследованиях используется принцип порядковости соседства [1], однако мы полагаем некорректным такой подход ввиду недоучета протяженности пространства. Поэтому влияние субъектов рассмотрено через экономическое расстояние между ближайшими экономическими центрами стран (столицами, либо городами с численностью населения более 300 тыс. чел.), отражающее возможности непосредственного сотрудничества стран.

Под экономическим расстоянием (в другой терминологии — “относительное расстояние” [19]) понимается расстояние по действующим путям сообщений (по автодорогам, железным дорогам, морским путям) [3]. Оно может измеряться

Таблица 1. Типология отношений между геополитическими субъектами**Table 1.** Typology of relations between geopolitical entities

Тип	Подтип	Признак
Союз (ПО = +3)	3.3 Единство	Наличие общих органов управления
	3.2 Сплоченность	Отсутствие пограничного контроля, общая валюта
	3.1 Дружба	Военный союз, договор о совместной обороне
Сотрудничество (ПО = +2)	2.3 Доверие	Таможенный союз
	2.2 Взаимовыгода	Особые условия торговых отношений
	2.1 Товарищество	Проведение совместных военных учений
Теплый нейтралитет (ПО = +1)	1.3 Связь	Безвизовый режим
	1.2 Согласие	Поддержка в голосовании по резолюциям ООН
	1.1 Симпатия	Положительная коннотация новостей о стране в СМИ
Минимум отношений (ПО = 0)		Малые объемы торговли, политических и культурных связей
Холодный нейтралитет (ПО = -1)	-1.1 Неприятие	Негативная коннотация новостей о стране в СМИ
	-1.2 Несогласие	Протестное голосование по резолюциям ООН
	-1.3 Осторожность	Усиленный визовый режим, ужесточение таможенных пошлин
Конкуренция (ПО = -2)	-2.1 Соперничество	Территориальные споры в активной стадии обсуждения
	-2.2 Противодействие	Эмбарго, санкции
	-2.3 Конфронтация	Случаи высылки дипломатов или объявление persona "non grata", разрыв дипломатических отношений
Вражда (ПО = -3)	-3.1 Ремиссия	Война, находящаяся в замороженной стадии
	-3.2 Эскалация	Локальная война
	-3.3 Уничтожение	Тотальная открытая война

в км, во времени или ценах. Это важно с точки зрения непосредственной возможности контакта двух геополитических субъектов для товарообмена. Сравнение экономических расстояний проводилось на основе действующих на 01.03.2024 пограничных пропускных пунктов по автомобильным трассам в километрах. В ряде случаев взяты морские расстояния через действовавшие на данный момент морские связи (например, транспортная связь с Сирией в реальности осуществлялась по морской линии Новороссийск—Латакия, а связь с Индией — через порты Калькутта и Владивосток и Нхава-Шэва—Новороссийск, а не сухопутным транспортом).

Для компаративного анализа были взяты две даты — 2016 и 2024 гг. Это обусловлено двухлетним периодом после ключевых событий для России: украинского кризиса 2014 г. и начала специальной военной операции в 2022 г. Стабильная реак-

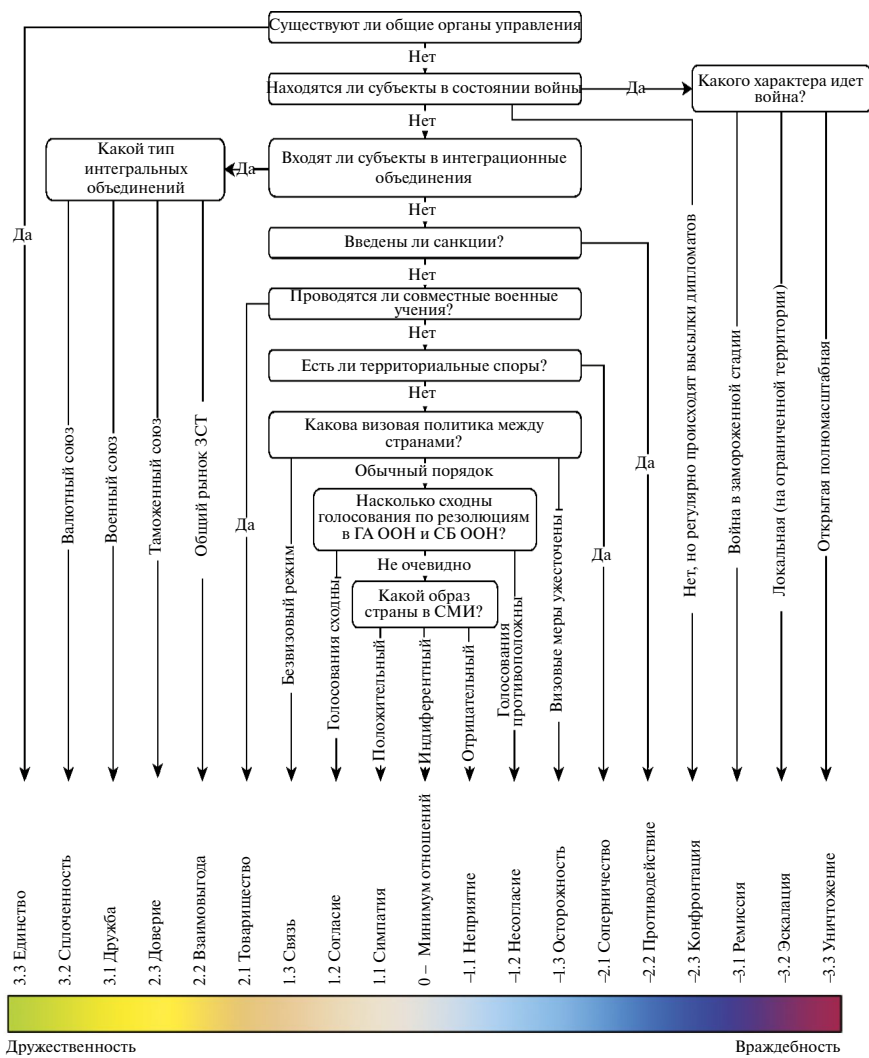

Рис. 1. Алгоритм интегральной оценки дружелюбности–враждебности двусторонних отношений между геополитическими субъектами (геополитических отношений).

Fig. 1. Algorithm for the integrated assessment of friendliness–hostility of bilateral relations between geopolitical entities (geopolitical relations).

ция на критические изменения в международной обстановке происходит не сразу, а спустя некоторое время для выработки позиции стран.

Отдельно следует пояснить восприятие границ Сибири. За рассматриваемый период произошло изменение границ Сибирского федерального округа после включения Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО. Однако, следуя академическим традициям Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, в территориальные рамки Сибири в общегеографическом понимании следует включать Тюменскую область с округами и республику Саха–Якутию [13]. С точки зрения современных подходов в регионалистике регион вообще не имеет четко выраженных границ, поскольку наибольшее значение для конструирования региона как тер-

риториальной общности имеет уровень региональной сплоченности (региональная консолидация), которая не ограничивается определенной линией [29].

Результаты

Исторические корни проявления международной недружественности

Само по себе деление на дружественные и недружественные страны является фундаментальным для политической теории, поскольку вокруг дихотомии “свой—чужой” выстроена теория возникновения государственности по К. Шмитту. Провозглашение и институциональное оформление “других” сообществ или субъектов позволяет более ясно увидеть, что есть “мы”, где проходит граница между “ними” и “нами”, и что именно служит этой границей. В период Античности государства на политической карте мира, согласно этому размежеванию, делились на “цивилизованный мир” и “варваров”, в период Средневековья — на христианские государства и иноверцев, в Новое время и особенно в период холодной войны — “демократические” и “авторитарные” государства. В 1959 г. президент США Д. Эйзенхауэр подписывает совместную с Конгрессом декларацию о признании “Недели поработенных наций (народов)” (*Captive Nations Week* — *опиg.*) и издает прокламацию, которую последующие президенты США переиздавали каждый год, суть которой заключается в видении геополитической картины мира и стран, с которыми США испытывает проблемы. В том же году на основании нее принят публичный закон № 86-90 (17.07.1959), в котором отрицается возможность совместного мирного сосуществования коммунистического общества с остальным миром, и серьезной угрозой для национальной безопасности США и всего мира объявляется российский коммунизм (фактически СССР). В нем же обозначены страны, в которых необходимо поддерживать стремление к свободе и независимости от СССР. Такими странами объявлены Польша, Венгрия, Литва, Украина, Чехословакия, Латвия, Эстония, Румыния, Белоруссия, Восточная Германия, Болгария, континентальный Китай, Армения, Азербайджан, Грузия, Албания, Идель-Урал, Тибет, Козакция, Туркестан и др. [39]. В отчете Совета национальной безопасности США № НСК 5811/1 от 24 мая 1958 г. дается обзор отношения Румынии, Венгрии, Чехословакии, Албании, Болгарии к США, формулируются краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели, отражающие принципы прокламации. Вместе с этим составлено руководство по ведению внешней политики США в отношении стран Восточной Европы и прописаны следующие принципы: воспитание националистической гордости и стремления среди людей и руководства к демократизации, публикация доказательств нарушений прав человека граждан указанных республик со стороны СССР и др. [36].

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в дискурсе возник термин “государства-изгои”, характерный для международной политики США как выделение нового “чужого” после ослабления конфронтации с СССР [27]. Президент США Джордж Буш — младший, выступая перед конгрессом 29 января 2002 г., ввел в международный оборот термин “ось зла”, отнеся к ней страны, якобы поддерживающие терроризм и разрабатывающие оружие массового поражения. В первый список вошли Ирак, Иран и Северная Корея, в 2005 г. Кондолизой Райс и ее заместителем Джоном Болтоном в “ось зла” включены Ливия, Сирия, Куба, Белоруссия, Зимбабве и Мьянма. В табл. 2 представлен подробный список упоминаний недружественных

Таблица 2. Упоминания дружественных и недружественных стран по прокламациям “Недели поработанных наций (народов)” (США) 1996–2023 гг. (*курсивом шрифтом отмечены страны, упоминающиеся в позитивном ключе, жирным шрифтом — подчеркнуто отрицательная коннотация*)

Table 2. Mentions of friendly and unfriendly countries according to the proclamations of “Captive Nations Week” (USA) 1996–2023 (*countries mentioned in a positive way are marked in italics, negative connotation is emphasized in bold*)

№	год	Президент	Дискурсивный паттерн	Упоминаемые страны и геополитические субъекты
1.	2023	Джозеф Р. Байден — младший	Поддержка демократии	Иран, Беларусь, Сирия, Куба, Венесуэла, Никарагуа, КНДР, КНР
			Поддержка Украины	Россия, Украина
2.	2022	Джозеф Р. Байден — младший	Поддержка демократии	Россия, Иран, Беларусь, Сирия, Куба, Венесуэла, Никарагуа, КНДР, КНР
			Поддержка Украины	Россия, Украина
3.	2021	Джозеф Р. Байден — младший	Поддержка Гонконга и Синьцзяна	Китай
			Поддержка демократии	Бирма, Венесуэла, Куба, Никарагуа
			Вопрос принадлежности Крыма	Россия
4.	2020	Дональд Дж. Трамп	Поддержка Гонконга	Китай
5.	2019	Дональд Дж. Трамп	Поддержка репрессированных, вопросы прав человека	-
6.	2018	Дональд Дж. Трамп	Поддержка репрессированных, вопросы прав человека	-
7.	2017	Дональд Дж. Трамп	Поддержка всех людей, которые борются за свободу, справедливость и верховенство закона.	-
8.	2016	Барак Обама	Поддержка территориальной целостности Украины	<i>Украина</i>
			Поддержка беженцев	Сирия
			Борьба с терроризмом	ИГИЛ, Куба
9.	2015	Барак Обама	Права человека и прочее	-
10.	2014	Барак Обама	За свободу против угнетения, за единство против нетерпимости	Ближний Восток, Северная Африка
11.	2013	Барак Обама	Права человека и прочее	-

Таблица 2. Окончание

№	год	Президент	Дискурсивный паттерн	Упомянутые страны и геополитические субъекты
12.	2012	Барак Обама	Права человека и прочее	От Балтийского моря до Балканского полуострова
13.	2011	Барак Обама	Права человека и прочее	-
14.	2010	Барак Обама	Права человека и прочее	-
15.	2009	Барак Обама	Права человека и прочее	-
16.	2008	Джордж Буш	Поддержка демократии	Афганистан, Ирак, Беларусь, Бирма, Куба, Иран, КНДР, Судан, Сирия, Зимбабве
17.	2007	Джордж Буш	Успехи в строительстве демократии	<i>Либерия, Мавритания, Украина, Грузия, Кыргызстан, Кувейт</i>
			Поддержка народа	Ливан, Афганистан, Ирак
			Поддержка угнетаемых граждан (демократии)	Беларусь, Бирма, Куба, КНДР, Сирия, Иран, Судан и Зимбабве
18.	2006	Джордж Буш	Поддержка демократии	Иран, КНДР, Беларусь, Бирма, Сирия, Зимбабве, Куба, Афганистан, Киргизия, Либерия, Ирак, Ливан
19.	2005	Джордж Буш	Успехи в строительстве демократии	<i>Афганистан, Ирак, Украина, Грузия</i>
20.	2004	Джордж Буш	Поддержка демократии	Ирак
21.	2003	Джордж Буш	Поддержка демократии	Бирма, Иран, Куба, КНДР, Зимбабве, Белоруссия, Ирак
22.	2002	Джордж Буш	Поддержка демократии	КНДР, Ирак, Иран, Бирма, Беларусь, Кубы и Зимбабве, Афганистан
23.	2001	Джордж Буш	Поддержка демократии	Афганистан, Бирма, Куба, Ирак, Судан
24.	2000	Уильям Дж. Клинтон	Поддержка демократии	<i>Польша, Сальвадор, Никарагуа</i>
25.	1999	Уильям Дж. Клинтон	Поддержка демократии	<i>Персидский з-в, Сербия, Косово</i>
26.	1998	Уильям Дж. Клинтон	Поддержка демократии	“Некоторая часть Европы”
27.	1997	Уильям Дж. Клинтон	Поддержка демократии	Страны бывшего советского блока, страны Южной Америки, Азии и Африки, <i>Польша, Румыния, Эстония</i>
28.	1996	Уильям Дж. Клинтон	Права человека и прочее	-

государств согласно стратегии США за 1996–2023 гг. Следует заметить, что Россия стала упоминаться в прокламациях “Недели порабощенных наций (народов)” только с 2021 г.

Россия в новейшее время отказывалась от подобных разграничений, хотя неофициальные, но на практике применявшиеся разграничения стран по принципу “свой–чужой” использовались и в советское время. Однако в 2022 г. Правительство РФ опубликовало “Список недружественных стран и территорий” (Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р), в результате чего произошла институционализация одной из главных составляющих геополитического положения — геополитического отношения между странами, выражаемого по шкале “дружественность–враждебность”. В список на 01.03.2024 входили Австралия, Албания, Андорра, Великобритания, включая Джерси, Ангилью, Багамские острова, Британские Виргинские острова, Гибралтар, государства — члены Европейского союза, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, США, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария, Япония, а также зависимые территории Великобритании. Изначально данный список был создан с точки зрения так называемой политики экономических санкций и антисанкций [22], но в действительности он оказал влияние на гораздо большее количество сфер общественно-политической жизни, а не только на экономическую. Обращаясь к этому списку, следует подчеркнуть следующие важные аспекты:

— Если выделение “чужих” носит четкий характер (хотя постоянно происходит дополнение вышеупомянутого указа), то выделение субъектов максимально дружественных — более дискуссионная тема. Хотя ряд законодательных актов (например, Федеральный закон от 25.12.2023 № 630-ФЗ “О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О таможенном тарифе» и Федеральный закон “Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности”) вводят такое понятие, но списка дружественных стран нет.

— Сам по себе реестр государств — дискретный и не предполагает градуированности, что является существенным упрощением текущей действительности. В исследовательском плане вернее говорить об уровнях или степенях градации.

— В списке недружественных стран присутствуют политии, которые не выражают по отношению к России непосредственно недружественных действий, например территории, зависимые от Великобритании (например, о-ва Питкерн), и были внесены в список с целью распространения санкционного режима. В то же время неинкорпорированные зависимые территории Нидерландов, такие как остров Аруба и Кюрасао, напротив, внесены не были. Это порождает коллизии в восприятии этого списка.

Таким образом, списки недружественных стран являются традиционной формой отгораживания, придания “ярлыка” или “черной метки” и выделения “чужого” в многомерном политическом пространстве.

Оценка уровня геополитических отношений

За исследуемый период произошли значительные изменения в геополитическом отношении между странами. Если в 2016 г. от подавляющего большинства стран Европы действовали санкции экономического и политического характера в сторону России, то после объявления “специальной военной операции” в 2022 г. состоялись случаи высылки дипломатов, которые в предыдущий период имелись лишь в случае

с Великобританией, Швецией, Польшей и Украиной. Наиболее радикально настроенным геополитическим субъектом является Украина, степень враждебности которой в 2024 г. можно оценивать как “–3.1. Эскалация”. Отношения с КНР развивались поступательно, но главным фактором дружественности в обоих периодах является ежегодное проведение сторонами совместных учений “Морское взаимодействие” в Японском море, что позволяет оценивать отношения как “товарищество” в оба года с перспективой перехода к более высоким степеням дружественности [35]. Отношения России и КНДР за исследуемый период оставались дружественными и КНДР — одна из немногих стран, которая признала присоединение новых регионов к России, но до момента помощи северокорейских солдат в контртеррористической операции в Курской области в 2024 г. Россия остерегалась проводить совместные военные учения с КНДР ввиду опасения нарушения режима международных санкций в отношении нее. Наиболее теплые взаимоотношения у России со странами Средней Азии, которые могут быть оценены “3.1 Дружба” благодаря военному союзу ОДКБ. Геополитические отношения со странами Южной Азии оцениваются в первую очередь по совместным военным учениям, которые проводятся регулярно (с Индией — с 2005 г., с Пакистаном — с 2014 г., с Ираном — с 2019 г.). С 2023 г. Иран вступил в зону свободной торговли с ЕАЭС, что свидетельствует о росте дружествен-

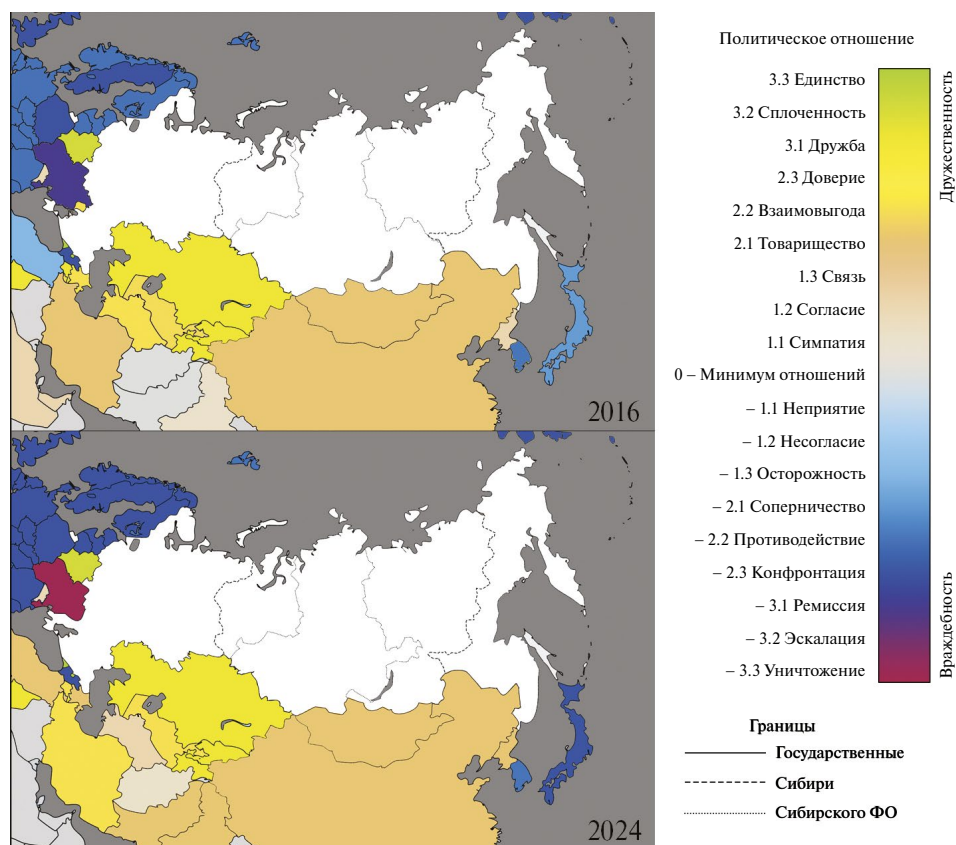

Рис 2. Геополитические отношения стран мира относительно России. Источник — расчеты автора

Fig. 2. Geopolitical relations of the countries of the world in relation to Russia. Source: author's calculations

ности. Отношения с Непалом и Бутаном охарактеризуются стадией “минимум взаимоотношений”.

Подробно оценки геополитических отношений представлены на рис. 2.

Из представленных карт видны следующие тенденции:

— За прошедший период в окружении России произошло усиление недружественности с запада и востока. На карте можно видеть, как сформировалась два “фланга”, которые и в более раннем периоде были настроены недружественно, но в 2024 г. многие отношения со многими странами перешли из степени “—2.2 Противодействие” в “—2.3 Конфронтация”.

— За прошедший временной период произошло усиление дружественности к России стран евразийского пространства, преимущественно за счет проведения военных учений, однако более высоких стадий дружественности достичь не удалось (например, расширение военного союза, расширение экономического союза). Для Сибири дружественные страны Евразии — это ближайшие субъекты, что повышает геополитическую значимость этого макрорегиона.

— Представленные карты показывают несостоятельность суждения о политической изоляции России. С учетом ряда допущений карты наглядно показывают реализацию концепции т.н. Большой Евразии, подразумевающей политическую консолидацию внутриевразийского пространства [4, 25].

Анализ степени удаленности геополитических субъектов

Полученные результаты дают основания для геополитической оценки близости—дальности стран с различным геополитическим отношением и в зависимости от уровня их значимости в мировой политике. Классификация уровней державности взята из исследования МГИМО МИД РФ, где функциональная иерархия государств представлена 4 категориями (“супердержава”, “великая держава”, “средняя держава”, “малая держава”), которые были определены с помощью обширного экспертного опроса [37]. Добавлена категория “микросоударств”.

Анализ удаленности политических субъектов по экономическим расстояниям (рис. 3) показал главную тенденцию рассматриваемого периода: недружественные субъекты “удалились” от России ввиду невозможности пересечения границы между Россией и Украиной лицами третьих стран. Наибольший рост удаления наблюдается у Молдовы, которая, несмотря на то что географически является соседом второго порядка, теперь имеет сухопутную связь с Россией только через 3 страны: Украину, Польшу, Беларусь. Закрытие Финляндией большинства пунктов пропуска на границе с Россией привело к увеличению экономического расстояния по суше между ближайшими городами — экономическими центрами, но еще остается связанность их по морю. В макромасштабе произошли изменения связанности между политическими центрами по авиационным маршрутам из-за появления бесполетных зон и закрытых воздушных пространств со всеми странами Европы. К тому же стала невозможна прямая авиационная связь России с многими политическими центрами Европы (только через третьи страны).

Эти процессы в меньшей степени влияют на Сибирь и СФО, поскольку они находятся на значительной удаленности от недружественных “флангов”. В зоне 2500-км удаленности у Сибири есть исключительно дружественные субъекты, что делает ее геополитическое положение чрезвычайно выгодным, при этом они остались на том же экономическом расстоянии, что и были в 2016 г., поскольку за рас-

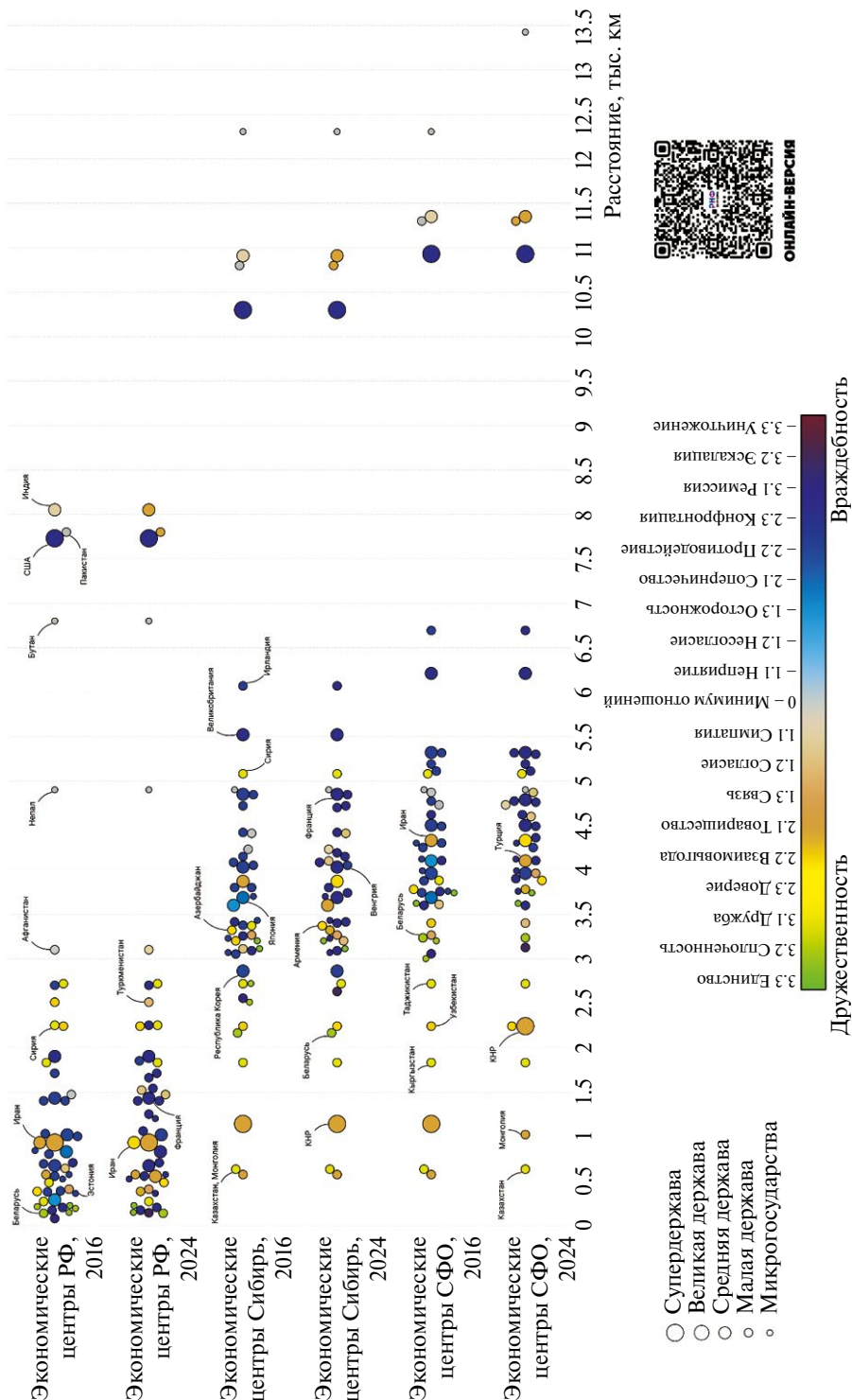

Рис. 3. Диаграмма удаленности субъектов различной степени дружелюбности—враждебности к России и Сибири.

Fig. 3. Diagram of the distance of subjects of varying degrees of friendliness—hostility to Russia and Siberia.

Доступ онлайн: <https://igsbras.ru/uploads/new-page-blocks/May2025/Remoteness-of-economic-centers-of-degrees-of-political-relation.html>

сма­три­вае­мый пе­ри­од не про­изо­шло ро­ста свя­зан­но­сти. Еди­нст­вен­ный но­вый по­гра­нич­ный пункт был от­крыт на рос­сий­ско-ки­тай­ской гра­ни­це в рай­оне с. Ниж­не­ле­нин­ское Ев­рей­ской ав­то­ном­ной об­ла­сти, что име­ет ло­каль­ное зна­че­ние.

Су­хо­пут­ная уда­лен­ность Си­би­ри яв­ля­ет­ся, без­услов­но, эконо­мичес­кой про­бле­мой для нее са­мой, по­сколь­ку транс­порт­ные из­дер­жки по су­ше зна­чи­тель­но пре­вос­ходят мор­ские [5], од­на­ко с геополитической точки зрения Сибирь пред­ста­вляет­ся наи­бо­лее бла­го­при­ят­ной тер­ри­то­рией для бу­ду­ще­го внут­ри­эконо­мичес­кого раз­ви­тия бла­го­даря сво­ей уда­лен­но­сти от недру­жес­твен­ных стран Ев­ро­пы и Азии и от­но­ситель­ной близости к дру­жес­твен­ным странам Азии. Но, разуме­ет­ся, это лишь один из фак­то­ров.

Обсуждение

Сего­дня мы можем на­блю­дать суще­ствен­ные геополитические сдвиги, в ре­зуль­тате че­го Рос­сия все боль­ше от­да­ля­ет­ся от “за­пад­ных стран”. На этом фоне воз­ник но­вый ин­те­рес к ев­разий­ским идеям [7], идеям “си­би­ри­за­ции” страны [10]. Как по­ка­зы­ва­ют ре­зуль­таты на­ше­го ана­лиза, Си­бирь име­ет вы­год­ное геополитическое по­ло­же­ние ввиду близости имен­но к дру­жес­твен­ным странам. По­это­му Си­бирь ста­но­вится плат­фор­мой для обес­пе­че­ния внут­ри­эконо­мичес­кой ста­биль­но­сти страны, на­хо­дя­щей­ся в “осаде” за­пад­но­го талоссократического блока. Не­до­ста­ток про­мыш­лен­ной раз­ви­то­сти Си­би­ри, ори­ен­ти­ро­ван­ность на вы­воз до­бы­вае­мых по­лез­ных ископаемых без глубокой степе­ни переработки за ру­бе­ж, про­бле­мы раз­ви­тия транс­порт­но-логистических связей — все это воз­ник­ло в силу неза­вер­шен­но­сти соз­да­ния тре­тьей ин­дуст­ри­аль­ной ба­зы Рос­сии с ос­нов­ной ло­ка­ли­за­цией в Вос­точ­ной Си­би­ри [18]. Эта не­га­тив­ная осо­бен­ность про­стран­ствен­но­го раз­ви­тия на пост­со­вет­ском эта­пе ска­зы­ва­ет­ся сей­час, ко­гда раз­ме­ще­ние во­ен­ной и стра­те­гичес­ки важ­ной про­мыш­лен­но­сти страны име­ет яв­ный пе­ре­кос в сто­рону ев­ро­пей­ской части Рос­сии, близ­ко к театру во­ен­ных дей­ствий. По­это­му не­об­хо­ди­мо соз­да­ние стра­те­гичес­ки важ­ных про­из­водств в Си­би­ри как наи­бо­лее уда­лен­ной тер­ри­то­рии от недру­жес­твен­ных го­су­дарств. Это чрез­вы­чай­но слож­ная за­да­ча, по­сколь­ку Рос­сия од­но­вре­мен­но вос­ста­нав­ли­ва­ет прак­ти­чески пол­но­стью раз­ру­шен­ные го­ро­да Дон­бас­са, ко­то­рые пе­ре­хо­дят под кон­троль рос­сий­ских войск.

Вместе с тем важно по­ни­мать, что, с одной сто­ро­ны, геополитическое от­но­ше­ние чрез­вы­чай­но ди­на­мич­но и за­ви­сит в ос­нов­ном от вла­стных ре­ше­ний и внут­ри­политических со­бы­тий, от­че­го пред­став­лен­ная струк­тура обла­да­ет гиб­ко­стью. Так, на­при­мер, смена вла­сти в Ар­гентине в 2023 г. по­вер­нула прак­ти­чески на 180 гра­дусов политику го­су­дарства от стрем­ле­ния вой­ти в БРИКС в сто­рону уси­ле­ния внешне­политической за­ви­си­мо­сти от США и “дол­ларизации” страны¹. Та­кие же про­цес­сы можно на­блю­дать в пе­ри­оды “цвет­ных ре­во­лю­ций” 1990–2010-х гг., пре­дел ко­то­рых да­леко не ис­чер­пан, и оста­ются еще страны в не­по­сред­ствен­ной близости от Рос­сии, обла­да­ющие по­тен­ци­алом ре­зкой смены внешне­политического курса, к при­меру, Ка­зах­стан и Мон­го­лия.

С дру­гой сто­ро­ны, гео­гра­фические образы и стереотипы инер­ци­он­ны [17], что за­кла­ды­ва­ет­ся в политичес­кой куль­туре и по­ве­ден­ческих пат­тер­нах как на­се­ле­ния, так и элит той или иной страны. Кон­стру­и­ро­вание обра­за “врага” или “дру­га”, “зна­

¹ При­чем вла­сти провинции Ог­нен­ная Зем­ля вы­ра­зи­ли на­ме­ре­ние про­дол­жить со­труд­ни­че­ство в фор­мате БРИКС+, де­мон­стри­руя, та­ким об­разом, от­дель­ную геополитическую субъект­ность суб­го­су­дар­ствен­но­го уровня (ис­точ­ник: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19428513>).

чимого другого” (significant other), “центра” и “периферии” и др. происходит через общение, массовую пропаганду, искусство и др. Эти образы, основанные на коллективной идентичности, остаются неизменными продолжительное время, длительность которого зависит от скорости распространения информации, степени укоре- нившихся представлений и согласованности с картиной мира.

В целях увеличения относительной близости государств необходимо развитие и внутриконтинентальных магистралей. Так, например, Индия, будучи в целом дру- жественным государством по отношению к России, остается чрезвычайно далекой страной в экономическом плане, поскольку связь с ней осуществляется не сухопут- ными магистральями, а практически исключительно через морские порты. Но глав- ным лимитирующим фактором меридиональной магистрализации является пояс политической нестабильности на границе Южной Азии с Восточной и Центральной Азией [5].

Заключение

Деление на недружественные и дружественные страны имеет длительную исто- рическую традицию, и современный “список недружественных стран”, издан- ный МИД России, с экономической стороны является проявлением “политики санкций”, но с политической стороны лежит в русле американской геополитиче- ской традиции выделения “стран-изгоев” или “порабощенных народов”.

Анализ с помощью градуирования геополитических субъектов по шкале “дружественности—враждебности” показывает измеримые характеристики гео- политических отношений стран. Так, были зафиксированы изменения за 2016— 2024 гг., заключающиеся в росте враждебности европейских стран, росте друже- ственности стран Центральной и Южной Азии, статичности отношений с КНР, КНДР и Монголией, росте дружественности с Турцией. Геополитическая обста- новка требует постоянного мониторинга ввиду динамичности международных отношений.

Показанные тенденции географической удаленности, которые лишь кратко отражены в данной статье, свидетельствуют о многих побочных явлениях полити- ческих решений об изменении статуса пунктов пропуска или пограничных перехо- дов. Экономическое расстояние гораздо точнее показывает различие в удаленности стран, чем деление стран по порядковому принципу, и его следует использовать для геополитического анализа. Выявлено, что Сибирь в общегеографическом ее пони- мании обладает выгодным геополитическим положением ввиду ее удаленности более чем на 2500 км от враждебных субъектов, однако с экономической точки зре- ния это является недостатком ввиду длинного транспортного плеча и высоких транс- портных издержек.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77- 10048, <https://rscf.ru/project/23-77-10048>. Авторы выражают благодарность студентке 1-го курса Института социальных наук ИГУ Ивановой Вильнэлии Владимировне за помощь в сборе первичных данных.

Список литературы

1. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое положение и геополитиче- ское положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.

2. Бакланов П.Я., Шведов В.Г., Романов М.Т. Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы. // Известия Русского географического общества. 2021. № 153 (3). С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869607121030022>
3. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. отв. ред. Б. М. Ишмуратов; Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т географии им. В.Б. Сочавы. Новосибирск, 2008. 249 с.
4. Безруков Л.А. Географический смысл создания “Большой Евразии” // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14. [https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2018-4\(5-14\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2018-4(5-14))
5. Безруков Л.А. Континентально-океаническая динамика России в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2023. Т. 44, № 2. С. 5–14. <https://doi.org/10.15372/GIPR20230201>
6. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. 288 с.
7. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. 270 с.
8. Елацков А.Б. Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации / 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: ИНФРА-М, 2025. 264 с. <https://doi.org/10.12737/2033550>
9. Каледин Н.В. Политическая география: Истоки, проблемы, принципы научной концепции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996. 164 с.
10. Караганов С.А., Козылов И.С. Поворот на Восток 2.0 или “Сибиризация” России // Россия в глобальной политике. 2025. № 23(1). С. 221–229. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229>
11. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 40–60.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Москва: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
13. Корытный Л.М. Макрорегион Северо-Восточной Азии: предпосылки делимитации, состав, границы // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85, № 1. С. 14–23. <https://doi.org/10.31857/S258755662101009X>
14. Кретинин Г.В., Катровский А.П., Потоцкая Т.И., Федоров Г.М. Геополитические и геоэкономические изменения на Балтике на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 4. С. 18–33. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-2>
15. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия Русского географического общества. 1993. № 4. С. 36–41.
16. Лавров С.Б. Геополитическое пространство России: мифы и реальность // Известия Русского географического общества. № 3. 1997. С. 1–15.
17. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. Колосова. М.: Институт фонда “Общественное мнение”, 2003. 304 с.
18. Никольский А.Ф. “Новый Ангарстрой” как ключевой проект будущей индустриализации в России // География и природные ресурсы. 2017. № 4. С. 143–153. [https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2017-4\(143-153\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2017-4(143-153))
19. Окунев И.Ю. Политическая география. Москва: “Аспект Пресс”, 2019. 512 с.
20. Потоцкая Т.И. Геополитика России на постсоветском пространстве. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 160 с.

21. Сафранчук И.А., Несмашный А.Д., Чернов Д.Н. Подвижная карта восприятия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 90–102.
<https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-90-102>
22. Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 103–119.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
23. Фартышев А.Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. 2022. № 4. С. 18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.01>
24. Фартышев А.Н. Дискурс о России в зарубежных средствах массовой информации в 2020–2022 годах // Шестнадцатые байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. С. 270–274.
25. Фартышев А.Н. Сибирь в концепции Большой Евразии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 40–49.
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.40>
26. Фартышев, А.Н. Оценка политического отношения геополитических субъектов по шкале “дружественность–враждебность” А. Уолферса в современном мире // Мировая политика. 2018. № 4. С. 21–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.4.26652>
27. Харкевич М.В. Государства-изгои как образ “другого” в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 99–110.
28. Balassa, B. The Theory of Economic Integration. London. G. Allen & Unwin Ltd. 1961. p. 304.
29. Hettne B. Beyond the “New Regionalism” // New Political Economy. 2005. № 10/4. P. 543–571. <https://doi.org/10.1080/13563460500344484>
30. Holsti K.J. The use of objective criteria for the measurement of international tension levels // Background. 1963. Vol. 7, No. 2. P. 77–95. <https://doi.org/10.2307/3013638>
31. Holsti O.R. The belief system and national images: a case study // Journal of Conflict Resolution. 1962. Vol. 6. P. 244–252. <https://doi.org/10.1177/002200276200600306>
32. Klingberg F.L. Studies in measurement of the relations among sovereign states // Psychometrika. 1941. No. 6. P. 335–352. <https://doi.org/10.1007/BF02288590>
33. Kolosov V. A. Zotova M.V. Turov N.L. Geopolitics and political geography in Russia: global context and national characteristics // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 80–95.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522020046>
34. Leifer M. The foreign relations of the new states. Australia. Longman, 1974.
35. Lukin A. The Russia–China entente and its future // International Politics. 2021. No. 58. P. 363–380. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00251-7>
36. National Security Council Report № HCK 5811/1 Washington, May 24, 1958 [электронный ресурс] / официальный портал исторических документов США. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v10p1/d6>
37. Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International hierarchy and functional differentiation of states: results of an expert survey // MGIMO Review of International Relations. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf2>
38. Richardson L.F. Statistics of deadly quarrels. (Quincy Wright and C. C. Lienau, eds.). Pittsburgh: Boxwood Press, 1960. 373 p.
39. S.J.Res.111 — Joint resolution providing for the designation of the third week of July as “Captive Nations Week” [электронный ресурс] / официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/86th-congress/senate-joint-resolution/111/text?s=2&r=53&q=%7B%-22search%22%3A%22captive+nations+week%22%7D>
40. Wolfers A. Discord and collaboration. Essay of international politics. Foreword by Reinhold Niebuhr. The Johns Hopkins Press, Baltimore, 1962. 283 p.

41. Wright Q. The nature of conflict // *Western Political Quarterly*. 1951. Vol. 4, No 2. P. 193–208. <https://doi.org/10.2307/443101>

42. Wright Q. The peaceful adjustment of international relations: problems and research approaches // *Journal of Social Issues*. 1955. Vol. 11, I. 1. P. 3–12.

<https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1955.tb00300.x>

Friendliness and Unfriendliness of Countries of the World as a Factor in the Modern Geopolitical Position of Russia and Siberia

A.N. Fartyshev^{1, 2, *}, S.V. Pisarenko^{1, 3}, L.S. Zhirnova^{1, 4}

¹*V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia*

²*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

³*Leningrad State University, Pushkin, Russia*

⁴*Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University), Moscow, Russia*

*E-mail: fartyshev.an@gmail.com

Received 22.03.2024

Revised 16.06.2025

Accepted 17.07.2025

Since 2022 the concept of the “unfriendly countries” has been officially enshrined in the Russian political discourse, though dividing countries into friends and foes has deep roots. The article views friendliness and unfriendliness of the geopolitical actors and their mutual distance as key characteristics of the geopolitical space. A new approach to understanding the category of “geopolitical position” is presented, based not on the principle of neighborhood of subjects, but on geographical remoteness. Based on both qualitative and quantitative data, the research uses a multistep scale to evaluate countries’ friendliness and unfriendliness towards Russia in 2016 and 2024. The method of economic distances is used to measure and grafically represent the distance of the actors varying in friendliness and unfriendliness from Russia, Siberia and the Siberian federal district. The research proves that due to its remoteness Siberia has a more beneficial location in comparison with Russia as a whole, because only friendly geopolitical subjects can be found within 2500 km from Siberia, unfriendly geopolitical actors moved even farther from it, whereas the most friendly actors (primarily Eurasian states) remained as close as in 2016 and became even friendlier towards Russia.

Keywords: geopolitics, political geography, geopolitical code, sanction policy, Russian foreign policy, economic distance, geostrategy

References

1. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. *Ekonomiko-geograficheskoe polozhenie i geopoliticheskoe polozhenie Tihookeanskoj Rossii*. Vladivostok: Dal’nauka, 2009. 168 p.
2. Baklanov P.Ya., Shvedov V.G., Romanov M.T. Tihookeanskij vektor v prostranstvennom razvitii Rossii i SSHA: osnovnye rubezhi i etapy. // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2021. No. 153 (3). P. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869607121030022>
3. Bezrukov L.A. *Kontinental’no-okeanicheskaya dihotomiya v mezhdunarodnom i regional’nom razvitii*. otv. red. B. M. Ishmuratov; Rossijskaya akad. nauk, Sibirskoe otd-nie, In-t geografii im. V.B. Sochavy. Novosibirsk, 2008. 249 p.

4. Bezrukov L.A. Geograficheskij smysl sozdaniya “Bol’shoj Evrazii” // *Geografiya i prirodnye resursy*. 2018. No. 4. P. 5–14. [https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2018-4\(5-14\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2018-4(5-14))
5. Bezrukov L.A. Kontinental’no-okeanicheskaya dinamika Rossii v nachale XXI veka // *Geografiya i prirodnye resursy*. 2023. Vol. 44, No. 2. P. 5–14. <https://doi.org/10.15372/GIPR20230201>
6. Druzhinin, A.G. Global’noe pozicionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj federal’nyj universitet, 2009. 288 s
7. Druzhinin, A.G. Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost’: obshchestvenno-geograficheskij analiz. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyj federal’nyj universitet, 2021. 270 p.
8. Elatskov A.B. Obschaya geopolitika. Voprosy teorii i metodologii v geograficheskoy interpretatsii / 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva: INFRA-M, 2025. 264 p. <https://doi.org/10.12737/2033550>
9. Kaledin, N.V. Politicheskaya geografiya : Istoki, problemy, principy nauchnoj koncepcii. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 1996. 164 p.
10. Karaganov S.A., Kozylov I.S. Eastward Turn 2.0, or “Sibiriazation” of Russia // *Rossiya v globalnoi politike*. 2025. No. 23(1). P. 221–229. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229>
11. Kolosov, V.A. Turovskij R.F. Geopoliticheskoe polozhenie Rossii na poroge XXI veka: realii i perspektivy // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2000. No. 3. P. 40–60
12. Kolosov V.A. Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya. Moskva: Aspekt Press, 2001. 479 p.
13. Korytnyj L.M. Makroregion Severo-Vostochnoj Azii: predposylki delimitatsii, sostav, granicy // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2021. T. 85, No. 1., P. 14–23. <https://doi.org/10.31857/S258755662101009X>
14. Kretinin G. V., Katrovskij A. P., Pototskaya T. I., Fedorov G. M. Geopoliticheskie i geoekonomicheskie izmeneniya na Baltike na rubezhe XX i XXI vekov // *Baltiiskij region*. 2016. Vol. 8, No. 4. P. 18–33. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-2>
15. Lavrov S.B. Geopolitika: vozrozhdenie zapretnogo napravleniya // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1993. No. 4. P. 36–41.
16. Lavrov S.B. Geopoliticheskoe prostranstvo Rossii: mify i real’nost’ // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. No. 3. 1997. P. 1–15.
17. Mir glazami rossiiyan: mify i vneshnyaya politika / Pod red. V. Kolosova. M.: Institut fonda “Obshchestvennoe mnenie”, 2003, 304 p.
18. Nikol’skij A.F. “Novyj Angarstroj” kak klyuchevoj proekt budushchej industrializatsii v Rossii // *Geografiya i prirodnye resursy*. 2017. No. 4. P. 143–153. [https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2017-4\(143-153\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2017-4(143-153))
19. Okunev I.Yu. Politicheskaya geografiya : Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. Moskva: Aspekt Press, 2019. 512 p.
20. Pototskaya T.I. Geopolitika Rossii na postsovetском prostranstve. Saratov: Aj Pi Er Media, 2018. 160 p.
21. Safranchuk I.A., Nesmashnyj A.D., Chernov D.N. Podvizhnaya karta vospriyatya // *Rossiya v global’noj politike*. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 90–102. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-90-102>
22. Timofeev I.N. Politika sankcij v menyayushchemsya mire: teoreticheskaya refleksiya // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 2. P. 103–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
23. Fartyshev A.N. Kolichestvennye metody v rossijskikh geopoliticheskikh issledovaniyah // *Politicheskaya nauka*. 2022. No. 4. P. 18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.01>

24. Fartyshev A.N. Discurs o Rossii v zarubezhnyh sredstvakh massovoi informatsii v 2020–2022 godah // *Shestnadsatsye baikalskie sotsialno-gumanitarnye chteniya*. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2024. P. 270–274.
25. Fartyshev A.N. Sibir v koncepcii Bol'shoj Evrazii // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2021. Vol. 37. P. 40–49.
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.40>
26. Fartyshev, A.N. Otsenka politicheskogo otnosheniya geopoliticheskikh sub'ektov po shkale "druzhestvennost'–vrazhdebnost'" A. Wolfersa v sovremennom mire // *Mirovaya politika*. 2018. No. 4. P. 21–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.4.26652>
27. Harkevich M.V. Gosudarstva-izgoi kak obraz "drugogo" v mirovoj politike // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. No. 4. P. 99–110.
28. Balassa, B. The theory of economic integration. London. G. Allen & Unwin Ltd. 1961. 304 p.
29. Hettne B. Beyond the "new regionalism" // *New Political Economy*. 2005. No. 10/4. P. 543–571. <https://doi.org/10.1080/13563460500344484>
30. Holsti K.J. The use of objective criteria for the measurement of international tension levels // *Background*. 1963. Vol. 7, No. 2. P. 77–95. <https://doi.org/10.2307/3013638>
31. Holsti O.R. The belief system and national images: a case study // *Journal of Conflict Resolution*. 1962. Vol. 6. P. 244–252. <https://doi.org/10.1177/002200276200600306>
32. Klingberg F.L. Studies in measurement of the relations among sovereign states // *Psychometrika*. 1941. No. 6. P. 335–352. <https://doi.org/10.1007/BF02288590>
33. Kolosov V.A., Zotova M.V., Turov N.L. Geopolitics and political geography in Russia: global context and national characteristics // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 80–95. <https://doi.org/10.1134/S2079970522020046>
34. Leifer M. The foreign relations of the new states. Australia. Longman, 1974.
35. Lukin A. The Russia–China entente and its future // *International Politics*. 2021. No. 58. P. 363–380. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00251-7>
36. National Security Council Report No. NSK 5811/1 Washington, May 24, 1958 [elektronnyy resurs] / oficial'nyy portal istoricheskikh dokumentov SSHA. URL: <https://history.state.gov/historical-documents/frus1958-60v10p1/d6>
37. Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International hierarchy and functional differentiation of states: results of an expert survey // *MGIMO Review of International Relations*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/.24833/2071-8160-2022-olf2>
38. Richardson L.F., Statistics of Deadly Quarrels. (Quincy Wright and C.C. Lienau, eds.). Pittsburgh: Boxwood Press, 1960. 373 p.
39. S.J.Res.111 — Joint resolution providing for the designation of the third week of July as "Captive Nations Week" [elektronnyy resurs] / oficial'nyy sayt Kongressa SSHA. URL: <https://www.congress.gov/bill/86th-congress/senate-joint-resolution/111/text?s=2&r=53&q=%7B%22search%22%3A%-22captive+nations+week%22%7D>
40. Wolfers A. Discord and collaboration. Essay of international politics. Foreword by Reinhold Niebuhr. The Johns Hopkins Press, Baltimore, 1962. 283 p.
41. Wright Q. The nature of conflict // *Western Political Quarterly*. 1951. Vol. 4, No. 2. P. 193–208. <https://doi.org/10.2307/443101>
42. Wright Q. The peaceful adjustment of international relations: problems and research approaches // *Journal of Social Issues*. 1955. Vol. 11, I. 1. P. 3–12. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1955.tb00300.x>